

Лорна Демидофф, Майкл Дженнингс

ГЕРОИ БЕЛОГО БЕЗМОЛВИЯ

Посвящается неукротимому духу ездовых собак, которые доставили сыворотку за 600 миль бездорожья, ненадежного морского льда и арктических буранов из Ненаны в пораженный болезнью Ном.

Стойкость. Верность. Ум.
(Надпись на памятнике ездовой собаке)

Основным и самым доступным средством передвижения в некоторых районах Севера всегда являлись ездовые собаки, и Аляска не была исключением. И здесь, как и везде собаки были не только транспортом, но и предметом гордости владельца. На собак заключали пари, их продавали за большие деньги, из-за них совершались преступления.

Еще в начале прошлого века Аляска была мало заселена и не представляла особого интереса для промышленников. Однако открытие золотых месторождений дало этой территории возможность коренным образом изменить свой образ жизни. С открытием золота Аляски и начинается история породы, называемой теперь «Сибирский Хаски».

Владельцы ездовых собак на Аляске любыми способами пытались улучшить качества своих животных. Летом 1908 года для участия в будущих гонках русский торговец мехом Илья Гусак (William Goosak) привез упряжку собак из Сибири, которая очень отличалась от местных. Эти собаки были меньше и компактнее, чем мощные аляскинские псы. Очевидно, поэтому, гонщики не приняли их всерьез. Никто не предполагал, что эти собаки могут участвовать в гонках. Однако Гусак все-таки нашел человека, который повел эту упряжку.

Так впервые зимой 1909 года сибирские собаки впервые вошли в историю Северной Америки. Хотя эта команда пришла всего лишь третьей, — кстати, это произошло не из-за слабости собак а от неразумных действий неопытного каюра — лайки заявили о себе, как о серьезном противнике и на них обратили внимание.

Летом следующего года шотландец Скотт Рэмсей отправился в Сибирь за собаками и привез оттуда 70 животных, которых приобрел в селе Марково на реке Анадырь. Из них были сформированы три упряжки для участия в гонках 1910 года. На этих гонках сибиряки заняли первое, второе, и четвертое места. После этого еще дважды из Сибири завозились собаки для улучшения местной породы. Последний завоз был самым большим и именно он заложил основу современного генофонда Сибирских Хаски в Северной Америке.

Эта порода знает множество героев. Одним из них является Того — знаменитый вожак знаменитого гонщика.

В январе 1925 года из Номы в сторону города Ненаны вышла упряжка известного тогда гонщика Леонарда Сеппала. Во главе этой упряжки стоял знаменитый на всю Аляску Того. Вопреки обыкновению, груза на нартах не было, только собачий корм и еда для каюра. Еще одним необычным обстоятельством было то, что, несмотря на крайне неблагоприятные погодные условия приближавшейся весны, упряжка неслась с максимальной скоростью, способной загнать и собак и каюра. Дело в том, что в январе 1925 года Ном поразила эпидемия дифтерии.

Ближайшие запасы вакцины находились в Анкоридже за полторы тысячи километров. Вакцину привезли поездом в Ненану, а оттуда до Номы и около тысячи километров ее можно было доставить только на собаках. Из Ненаны в Ном, навстречу Сеппала вышла упряжка с вакциной. По всей дороге были расставлены подставные, чтобы максимально уменьшить время, за которое спасительная сыворотка попадет в умирающий Ном.

К четвертому дню изнуряющего пути Сеппала и его упряжка достигли деревни Шактолик,

отстоящей от Нома примерно на 300 километров. Вдруг он увидел каюра, везшего вакцину из Ненаны. Они чуть было не разминулись из-за бешеной скорости, но в последнюю секунду Сеппала остановил упряжку и произнес единственное слово, которое было у него на уме в тот момент: «Вакцину!» и уже собакам «Назад!..».

Однако обратный путь таил в себе еще большие испытания. 80 километров по льду Берингова моря упряжка шла ночью, сильный ветер дул в лицо. К тому же существовала постоянная опасность того, что лед провалится или льдина оторвется и уйдет в море. На следующий день по совету старого эскимоса Сеппала шел ближе к берегу, но, даже сделав это, он двигался в некоторых местах рядом с открытой водой, рискуя утопить, себя, упряжку, а главное - вакцину. Избежать этой участи и не обречь город на медленное, но окончательное вымирание в тисках холода и болезни мог помочь Леонарду только опытный вожак. Он предупреждал каюра о полыньях и трещинах, он заставлял работать измученных непогодой собак, он выбирал правильное направление в непроглядной тьме, руководствуясь лишь «шестым чувством» любви к хозяину и к своей работе. Однако именно этот самый героический путь оказался для мужественного пса последним. На этом пути Того, которому тогда уже исполнилось десять лет, окончательно надорвался.

Когда упряжка достигла подставных за 80 километров от Нома, он больше не смог бежать — у него отнялись лапы. Последний участок пути вакцину везла свежая упряжка, вожак которой был тогда еще молодой пес Балто. Эта упряжка Гунара Кассона и доставила в Ном вакцину.

Весь путь вакцины из Ненаны в Ном занял почти пять с половиной дней, собаки за это время прошли около 550 километров. И теперь в центральном парке Нью-Йорка стоит памятник Балто, хотя на самом деле под ним должно стоять имя Того.

Так закончилась история одного из выдающихся вожakov Аляски того времени.

Того был «вожаком от рождения» и вся его жизнь была тому подтверждением. Он родился зимой 1915-16 годов. Его отцом был вожак упряжки, на которой Леонард Сеппала побеждал на гонках в 1914 и 1915 годах. Того был единственным щенком в помете и всегда выглядел очень угрюмым и одиноким.

Может быть, поэтому ему поначалу не везло с хозяевами? Его приобрел некий Виктор Андерсон, но не смог справиться со своенравным характером пса и вернул щенка хозяину. В шесть месяцев его отдали женщине, которая хотела держать его, как комнатную собаку. Несмотря на все внимание, которое щенок получал в новом доме, ему там быстро наскучило и однажды, он попросту удрал оттуда и вернулся к Сеппала. Тому не осталось ничего, как смириться с упрямством щенка и оставить его себе. С тех пор Того стал часто сопровождать упряжку Леонардо. Щенок любил эти прогулки, так как ему нравилось догонять какую-нибудь собаку, быстро кусать ее за ухо и отскакивать в сторону. Это хулиганство частенько мешало каюру, но он не особенно старался наказывать шалуна.

К ноябрю — Того тогда было 8 месяцев — Сеппала собрался на очередные гонки, и оставил щенка дома в проволочном загоне высотой два метра. Каюр предполагал, что оставленный дома своенравный пес попытается вырваться, и строго наказал домашним не выпускать его. Когда хозяин уезжал, Того не выказал никаких признаков беспокойства, но оказалось, что за этим кроется хитрость. Этой же ночью Того попытался перепрыгнуть через сетку и это ему почти удалось, однако он зацепился задней лапой за острый край забора и повис на нем. Когда через некоторое время пса заметили и сняли, то, очутившись на свободе по ту сторону забора, Того, не смотря на кровь, сочившуюся из многочисленных рваных ран, вырвался и быстро исчез в направлении Дайм Крика, куда накануне ушла упряжка Леонарда Сеппала.

После очередной ночевки Сеппала заметил, что его уже уставшая упряжка тянет нарту гораздо быстрее. Вначале он решил, что собаки учуяли оленя, но когда солнце встало, и ветер утих Сеппала увидел впереди какого-то зверя, и вскоре, с трудом веря своим глазам, он понял, что впереди Того, оставленный им дома. Дождавшись пока упряжка его догонит, пес, как обычно укусил вожака за ухо и отскочил в сторону.

Перевязав щенку лапу, Сеппала решил поставить восьмимесячного хулигана в корень упряжки, куда обычно ставят новых собак, для того, чтобы наблюдать за ними. Однако, оказав-

шись в упряжке Того побежал так, как будто он всю свою жизнь ждал только этого момента. Проходил час за часом, а Того все тянул и тянул, несмотря на раны, работая упорнее многих взрослых собак. К концу первого дня он уже стоял рядом с жожаком — самой опытной собакой упряжки. Леонарду с трудом верилось в то, что он видел: восьмимесячный щенок, который даже не знал упряжи, с поврежденной задней лапой тащил нарту 75 миль во главе тренированной упряжки взрослых собак. Таково было неистребимое желание Того работать. С тех пор он стал любимцем Леонарда Сеппала и не раз приводил гонщика к победе.

В конце концов, ездовое собаководство на Аляске стало спортом и удовольствием, но и утратив жизненную важность оно не потеряло своих героев. В 1922 году прошли Первые Международные Гонки на собаках протяженностью 200 километров. Их победителем стал Артур Вальден из Нью-Хэмпшира. К победе его привела упряжка из девяти собак, во главе которой стоял известный в будущем пес Чинук. После гонок Вальден решил вывести линию Чинука. Он скрестил его с множеством собак, которые были у него (в их числе была даже немецкая овчарка по кличке Эрика). Проводя в дальнейшем отбор исключительно по внешним признакам, гонщик вывел линию собак, которую он назвал по имени производителя Чинук (Chinoocs). Эти собаки часто побеждали на гонках.

Так было до тех пор, пока Вальден в 1927 году не встретился с Леонардом Сеппала и его собаками. Собаки Леонардо не производили впечатления на местных собачников. «Сибирские крысы», — так презрительно прозвали этих собак. И действительно, сибиряки были столь малы по сравнению с местными собаками, что некоторые все еще говорили, о том, что негуманно допускать их к гонкам. Однако воля к победе и непоколебимая вера Сеппала в своих собак дали ему возможность выиграть гонку при таком невероятном невезении, какое выпало ему на долю.

На этих гонках все было против Леонарда и его собак. Во-первых, упряжка Вальдена была ко времени гонок в отличной рабочей форме, а собаки Сеппала последнее время выступали лишь на выставках.

Во-вторых, хотя Сеппала привез с собой около сорока собак, в день гонок объявили, что участвовать могут только семеро. Он попросил разрешения судей взять одиннадцать собак, что бы уравнивать тяговую мощь животных, так как его собаки весили примерно 25 килограмм и проигрывали в сравнении с местными собаками, весившими 45–50 килограмм. Однако судьи, которые были изначально против участия в гонке «сибирских крыс», отказали ему в этом.

Дальше все пошло еще хуже. В утро гонок собралось много народу. Шум толпы испугал «сибиряков» и когда прозвучала команда «Вперед!», собаки попросту развернулись и рванули назад от линии старта. Каюр кое-как развернул их и направил в нужную сторону. На протяжении двух миль все было нормально.

Затем собаки вдруг резко свернули с дороги и ворвались в один из домов, стоящих возле трассы. Как оказалось, их привлек аромат жарящихся котлет.

Хозяйка дома упала от страха в обморок. Как она потом объяснила, ей показалось, что на нее напала стая волков. Котлеты посыпались на пол.

Поднялась невообразимая суматоха. В тесной кухне семеро собак, в полной упряжи, пытались съесть обжигающие котлеты. Из-за вставшей в дверях нарти в комнату кое-как прорвался Леонард Сеппала и с грехом пополам заставил собак снова выйти на трассу. Ему было не до извинений перед пришедшей в себя женщиной, — он терял драгоценное время.

Через десять минут Сеппала обогнал упряжку, которую вела Элизабет Риккер. А несколько минут спустя Сеппала услышал, как сзади его догоняет упряжка Элизабет, но уже без нее. Перед Леонардом встала дилемма: перехватить упряжку и тем самым еще отдалить себя от победы или же продолжать гонку. Но собаки в упряжке Элизабет запутались в постромках и если их не остановить могли повредить себя и причинить вред окружающим. Леонардо поставил свою упряжку поперек трассы и перехватил возбужденных собак. Почти сразу его догнала сама Элизабет и поблагодарила Леонарда. Однако она сознавала, что подобная задержка наверняка будет стоить ему гонки. Но Сеппала вопреки всему отправился в путь.

Собаки бежали без воодушевления и Сеппала ничего не мог сделать с этим. Однако незадолго до финиша трассу пересек скунс и собаки рванули за ним. К счастью скунс побежал вперед

и спрятался в сугробе возле трассы. Собаки, возбужденные преследованием, этого не заметили и понеслись вперед с огромной скоростью.

Результаты оказались шокирующими, — несмотря на все заминки и ошибки сибиряки пришли первыми, на 7 минут опередив Вальдена. Это был полный успех. Остается добавить, что на следующий день судьи сняли Леонарда Сеппала с гонок, для того, «чтобы побережь лапы его собак для больших гонок на 133 мили, которые состоятся в следующем месяце». Очевидно, они сразу поняли, что сибиряки составляют весомую конкуренцию мощным, но менее подвижным собакам Аляски. Последующие события лишь подтвердили эти опасения — Леонард Сеппала с легкостью выиграл следующие гонки. Так Леонард Сеппала еще раз доказал, что сибирские ездовые собаки имеют право на уважение. В дальнейшем с их участием была выведена та порода Сибирских Хаски, которую мы видим и любим сегодня.